

История социологии

© 2006 г.

Е.И. КУКУШКИНА

РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЗАПАДНАЯ НАУКА (XIX- НАЧАЛО XX ВВ.)

КУКУШКИНА Елена Иосифовна - доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Для построения целостной картины развития мировой социологии большое значение имеет изучение взаимоотношений и контактов между социологами разных стран, представляющими различные научные традиции и осуществляющими взаимный обмен новыми идеями и творческими достижениями. Это отнюдь не исключает, но напротив - предполагает рассмотрение развития мировой социологии в качестве единого познавательного процесса, обусловленного как взаимодействием национальных научных школ, так и исторической сменой парадигм. В этой связи заслуживает внимания исследование истории русской социологической мысли вопрос о связях между развитием социологии в России и в других странах. Знакомство с тем, что было сделано и делается за рубежом в области изучения истории русской социологии, необходимо также для достижения целостного и всестороннего понимания картины становления отечественной социологии.

При рассмотрении международных научных связей с точки зрения их роли в общемировом процессе развития социологического знания историки социологии не выходят, как правило, за рамки европейской (европоцентричной), как ее охарактеризовал О. Шпенглер) традиции. Западные историки социологии учитывают в основном события, произошедшие или происходящие в странах Европы и Америки, и лишь в связи с ними их интересуют события в России как евразийском государстве.

Взаимоотношения русской социологии с западной наукой имеют свои особенности, обусловленные как внутренними, так и внешними причинами. К числу первых следует отнести специфику культуры и традиций каждой страны, а также сложившееся отношение к социологии со стороны властей. Официальные власти в царской и в советской России, как правило (за исключением небольших периодов — либеральной "весны" 1906-1911 гг., хрущевской "оттепели" 60-х гг. и горбачевской "перестройки"), занимали позицию отрицания необходимости такой науки, относились к ней как к фактору, негативно влияющему на общественную мысль и общественную жизнь, приносящему чуждые российскому человеку западные ценности. К числу внешних причин, определявших на протяжении длительного периода характер отношений между русской и западной социологией, относится разная степень знакомства европейских и русских ученых с достижениями социологического творчества друг друга. Западно-европейские социологи в массе своей за редкими исключениями почти не знали русской социологии, имели слабое представление о России, ее истории и культуре. Об этой негативной традиции ученых Запада в отношении к России Н.И. Кареев в 1916 г. писал: "То, что делается в России по части науки и философии, кроме, пожалуй, естествознания, остается большей частью неизвестным или очень мало известным на Западе" [1]. В одной из рецензий на труды немецких авторов по литературоведению и националь-

ной истории разных стран он отметил, что в них даже имена С.М. Соловьева и В.О. Ключевского блещут своим отсутствием. Здесь сказывалось не только незнание русского языка, но и укоренившееся в западной ученой среде мнение о том, что успехи в изучении общества и человека оказываются востребованными только в западных странах. Характерное подтверждение этой мысли приводит в своих воспоминаниях о встречах с Г. Спенсером М.М. Ковалевский, рассказавший о крайнем удивлении, в которое он поверг мэтра британского позитивизма во время беседы с ним своим мимоходом сделанным замечанием о работе социологов в России [2]. Коллега П.А. Сорокина по многолетней совместной работе в Гарварде Карл Циммерман признавался, что остался не знаком с российским периодом деятельности этого ученого из-за незнания русского языка, а также потому, что не интересовался тематикой его трудов того времени.

Сведения о России социологи стран Западной Европы, и более всего - Франции, получали от тех русских, которые бывали за границей с научными целями, иногда подолгу там жили, читали лекции в европейских университетах, издавали там свои труды (Е.В. де Роберти, П.А. Кропоткин, М.М. Ковалевский, Я.А. Новиков и др.). Порой устанавливалось продолжительное сотрудничество отдельных русских ученых с их западными коллегами (как это было в случае с Л.И. Мечниковым, работавшим совместно с Э. Реклю над многотомным изданием "Земля и люди"). Те из русских социологов, кто жил и работал в Западной Европе, нередко приобретали там большую известность, чем у себя на родине (правда, в большей мере как историки и этнографы, чем как социологи, как, например, в случае М.М. Ковалевского). Они стали первыми активными популяризаторами русской науки за рубежом, что не осталось незамеченным. Так, с легкой руки известного французского ученого-позитивиста Рене Вормса, которого связывали тесные дружеские связи с М.М. Ковалевским, последний получил статус связующего звена между Западом и Россией. Тесно сотрудничавший с учеными Франции Г.Н. Вырубов, русский ученый-химик, философ-позитивист, последователь Конта, начал в 1867 году совместно с Э. Литтре издавать журнал "La philosophie positive", в котором часто публиковались статьи авторов из России, в том числе по социологической проблематике. Однако в тесные связи с западными учеными в XIX - начале XX вв. был вовлечен довольно узкий круг русских социологов. В результате представления о русской социологии у многих ученых западных стран носили в лучшем случае фрагментарный характер, что в свою очередь также тормозило процесс обмена идеями.

В то же время в России социологи, историки и, в немалой степени, правоведы были, напротив, в курсе основных научных достижений западной социологии, регулярно знакомились с новой литературой, издавали переводы всех наиболее значительных западных трудов. Хорошее знание русскими социологами положения в западной науке давало им, при всех имеющихся трудностях внутреннего порядка, большие преимущества: их произведения отличались широтой охвата проблем и демонстрировали значительные достижения не только отечественной науки. В ряде случаев можно говорить об опережении русскими социологами их западных коллег в важнейших областях социологического знания. Так, в России значительно раньше, чем на Западе, социологи обратились к разработке теории личности, к постановке психологических исследований и подведению под социологию психологического фундамента. В трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, С.Н. Южакова эти проблемы впервые были сформулированы и детально разработаны, что не осталось незамеченным зарубежными историками науки. Русские социологи опередили своих западных коллег в постановке и разработке проблемы социальных ценностей и идеалов (к ней впервые обратился П.Л. Лавров), в анализе психологических механизмов подражания (Н.К. Михайловский на восемь лет опередил аналогичное исследование Г. Тарда), в построении теории потребностей (П.Л. Лавров). Наконец, в России явления, относящиеся к социальной патологии, их причины, вопросы обеспечения их недопущения, поиски средств ее профилактики и терапии (П.Ф. Лилиенфельд) стали выступать в качестве предмета социологического анализа раньше, чем в Западной Европе (Ц. Ломброзо, Э. Ферри). Широко известно и признано на Западе, что русским ученым принадлежит наиболее обстоятельная критика биологизма и социал-дарвинизма (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Л.И. Мечников, Я.А. Новиков и др.).

Была в русской социологии и особая тематика, в обращении к которой проявился самобытный характер отечественной социологической мысли. Ценность таких исследований для развития мировой социологии особенно велика. Прежде всего, это тема нравственного идеала, необходимость разработки которой была подсказана духовным началом, лежащим в основании русской общественной мысли. Такая тема заняла ведущее место в двух важных направлениях русской социологии, в каждом из которых она разрабатывалась "по-своему": в субъективной социологии и неокантианстве. В тесной связи с теорией нравственного идеала в трудах представителей этих направлений получился также специфически русская, подсказанная всем характером российской действительности тема интеллигенции. Представители русской интеллигенции играли особую роль в жизни страны, самоотверженно выполняли культурно-просветительскую и нравственную миссию (врачи, учителя, библиотекари) в далеких, оторванных бездорожьем от культурных центров небольших провинциальных городах и селах, а то и просто "медвежьих углах".

До сих пор в отечественном научном наследии прошлых веков остаются такие ценные начинания, которые в свое время не получили развития, мало известны или просто неизвестны сегодняшним специалистам, приобретают особый интерес в наше время и потому нуждаются в исследовании на современном материале и практическом использовании. Такова, например, концепция науки Н.Д. Ножина, русского социолога-позитивиста, основателя органического направления (органицизма) в отечественной социологии. В 60-е годы XIX века (в России научная социология тогда еще только зарождалась) этот автор подверг анализу данные того времени о функциях, целях и этических аспектах научной деятельности, а также об использовании ее результатов на практике. Им был высказан ряд имеющих значение для будущего суждений о назначении и целях науки, о ее месте в общественной жизни, о состоянии науки в России, о моральных требованиях к людям науки. Следуя своему девизу - "Наука для жизни, а не жизнь для науки", Ножин утверждал, что наука не должна превращаться в орудие насилия, что о достоинствах ее необходимо судить по практической пользе, которую имеют получаемые в ней результаты с точки зрения возможностей их использования во имя достижения общественного идеала. Ведущая роль в деле переустройства общества отводилась им "сословию ученых". Сформулированные им принципы научной деятельности звучат вполне современно и в наши дни. Это солидарность (умственная и нравственная) всех членов научного сообщества, взаимобмен услугами между его членами, взаимоконтроль и ответственность. Эти ценные идеи, другие открытия Ножина, как и само имя этого ученого, к сожалению, пока остаются вне поля зрения социологов даже на его родине.

Высокий уровень понимания задач науки, профессионализма русских социологов, их теоретической подготовки и приобретенного ими опыта проявился уже в то время, когда в мировой социологии начинался процесс институционализации. В создании первых научных институтов, и, прежде всего, Международного института социологии в Париже, ученые из России принимали самое деятельное участие. Многие из них выступали с докладами на организуемых Институтом первых Всемирных социологических конгрессах и были участниками проходивших там дискуссий. П.Ф. Лилиенфельд и М.М. Ковалевский неоднократно избирались президентами названного Института с первых лет его работы. Русские социологи внесли значительный вклад в налаживание контактов между учеными разных стран, в работу международных печатных органов, а также в создание концепции социологического образования и в ее практическую реализацию. Особенно много в этой области было сделано Ковалевским, Кареевым и Де Роберти как на мировом уровне, так и в России. Благодаря их стараниям в России появились первая кафедра социологии (1908) и первый специальный научный сборник "Новые идеи в социологии" (1913-1914), объединявший на своих страницах социологов разных стран. Ими были прочитаны первые систематические лекционные курсы социологии в университетах России и Западной Европы. А организованная в начале XX века при деятельном участии русских Высшая Русская Школа общественных наук в Париже являла собой эталон сотрудничества социологов разных стран и содействовала установлению преемственности в работе, которая была налажена на основе обобщения лучшего мирового опыта. В практике Школы были выработаны образцы программ и построения учебных курсов, что вскоре получило применение в опыте со-

циологического образования не только в России, но и за рубежом. Что же касается роли этого учебного заведения в освещении истории социологии в России, то достаточно привести названия двух лекционных курсов, которые читались одним только Н.И. Кареевым: "Социология в России" и "История социальных классов в России".

Большие изменения в отношении России со странами Запада, а вместе с тем и в научные контакты внесли революционные события 1917 г. С одной стороны, с этого времени определенным образом расширяются и укрепляются научные связи. Их особенность состояла в том, что в них были включены лишь те русские обществоведы, которые "по воле судьбы" оказались за пределами России. Для тех же, кто после революции оставался у себя на родине, не только прекратились все живые научные контакты с западным миром. Они также лишились возможности знакомиться с зарубежной литературой и следить за развитием социологии в других странах. Тем самым русская научная эмиграция была поставлена в особое положение с точки зрения выполняемой ею роли в развитии связей русской науки с западной. Несколько поколений ученых - выходцев из России (начиная с Вырубова и кончая последней волной эмиграции 70-х гг. XX в.) много лет жизни отдали работе в других странах, выполняя в числе других чрезвычайно важную задачу: они знакомили западный мир с развитием социологии в России.

Лекции о состоянии наук в своей стране читали за границей ученый-историк профессор Московского и Оксфордского университетов П.Г. Виноградов, известный статистик профессор А.И. Чупров, другие русские ученые. Работы русских социологов, выехавшие во Францию и Германию, давали возможность социологам этих стран судить о состоянии социологической мысли в России. Уже в последней трети XIX века там появляются труды Де Роберти по общим вопросам социологии, затем на рубеже столетий - монографии Я.А. Новикова по ряду фундаментальных проблем социологии и критике социал-дарвинизма. Первое издание книги Мечникова "Цивилизация и великие исторические реки" было опубликовано в 1889 году на французском языке. В эти же годы в России выходят переводы на русский язык трудов западных авторов. В эту работу включались не только профессиональные социологи, но и историки. Так, одним из первых переводчиков труда Спенсера "Описательная социология, или группы социальных фактов" (1878) стал известный историк И.В. Луцицкий.

К третьему десятилетию XX века работа в области изучения русской социологии на Западе приобретает более систематический и целенаправленный характер. В это время русскую науку за рубежом представляют социологи нового поколения, оказавшиеся эмигрантами главным образом по политическим мотивам. Их публикации отличает высокая степень компетентности, академизм и, как правило, фундаментальный характер, даже если объем их невелик. Наиболее крупный вклад в разработку истории русской социологии внес П.А. Сорокин, который уже в первое пятилетие своего пребывания за границей опубликовал небольшую, но принципиально важную, насыщенную богатым содержанием статью "Русская социология в XX веке" [3]. Эта статья, охватившая материал всего лишь двух десятилетий (с экскурсами в начальный период существования отечественной социологии), была скромно оценена ее автором как схематичная и несовершенная попытка представить в общем виде картину развития социологии в России. Однако в ней получил свое отражение богатый идейный спектр русской общественной мысли - от трудов первых организаторов (П.Ф. Лилиенфельда и др.), теории Н.Я. Данилевского и субъективной школы (Н.К. Михайловский) до генетической социологии (Н.И. Зибер, М.М. Ковалевский и другие), исследованной в области этики, права (Л.И. Петражицкий), экономических проблем истории общества (М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, В.И. Ленин) и начала теории евразийства. Особенно ценно то, что весь ее материал подается в сравнительном ключе, что, по логике автора, должно быть особенно важно для восприятия русских сюжетов западными социологами. Вслед за ней появляется целый ряд его солидных по объему и значению историко-научных публикаций, посвященных истории мировой социологии и неизменно содержащих материал по русской социологии [4, 5]. П. А. Сорокин включает в эти труды сведения о развитии в русской социологии по возможности всех основных направлений, подчеркивая при этом ценность достижений, остающихся неизвестными за пределами России. На протяжении всей последующей жизни он продолжал публи-

ковать работы по истории отечественной социологии, оставаясь крупнейшим популяризатором русской науки за рубежом.

Немалая заслуга в ознакомлении западных ученых с русской социологией принадлежит Н.С. Тимашеву, известному ученому-правоведу и социологу, также эмигрировавшему из России. В работе о происхождении и развитии социологической теории он представил широкую картину всех школ и течений в мировой науке - от О. Конта до середины XX века, включив в нее и разделы, посвященные русской социологии [6]. С историей русской социологии западных читателей познакомили М. Лазерсон, Г. Гурвич, Ф. Степун и другие выходцы из России. Солидный труд по истории русской социологии автора из России, принадлежащего к более позднему поколению (к новой волне эмиграции), был опубликован в Германии в конце 80-х годов Н. Новиковым [7]. В этой книге дан анализ всего процесса развития социологии в России после революционных событий 1917 года, включая институционализацию и первые ее шаги в области социологического образования.

Значительную роль в укреплении связей между русской и западной социальной мыслью сыграли известные русские философы и историки Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин и другие. Их активное участие в общественной жизни Франции, в работе международных научных обществ, преподавание в зарубежных университетах сделали их центром притяжения духовной элиты и, вместе с тем, существенным фактором влияния русской мысли на западное общество. Этот момент отмечали такие известные интеллектуалы, как Ж.-П. Сартр, М. Шелер, Ж. Маритен. На долю этих мыслителей из России выпала ответственная историческая миссия: через философию и социологию обозначить путь к единству духовной мысли, русской и западной.

С начала XX в. социологи западных стран, первоначально немногие, начинают проявлять интерес к русской социологии. Первым, кто посвятил свое исследование русской социологии, стал американский исследователь, ученик Ф. Гиддинга Юлиус Геккер [8]. В его книге дан подробный анализ ведущих направлений русской социологии, среди которых им была особо выделена субъективная школа. По оценке Н.И. Кареева, написавшего рецензию на этот труд, американский социолог проявил проницательность в анализе данного направления русской социологии, в основном правильно определил его самобытный характер и связь с реалиями российской жизни [9]. В США данная работа дважды переиздавалась со значительными дополнениями автора - в 1934 и в 1969 г.

В Германии незадолго до появления книги Геккера вышел в свет труд К. Келлес-Крауза "Социология к началу XX века". Также имеется ее дореволюционное издание на русском языке [10]. Этот автор в общий обзор "основных руководящих идей в социологии" включил сведения о нескольких теориях русских социологов, в том числе Лаврова, Михайловского, Кареева, Ковалевского, Бельтова (Плеханова). Каждому из них дается оценка с точки зрения того вклада, который внесен в развитие мировой социологии: в разработку эволюционного подхода к социальным явлениям (Лилиенфельд), в развитие доктрины Конта (Лавров - учением о солидарности, Михайловский - концепцией прогресса, Кареев - развитием идей психологизма). Ковалевский, который удачно соединил, по мнению автора, юридическое течение с этнографией, рассматривается в ряду исследователей ранних общественных форм (Энгельс, Морган, Тайлор). Бельтов (Плеханов) охарактеризован как "один из самых выдающихся адептов" школы экономического материализма.

О знакомстве западных социологов с достижениями русских ученых в области изучения человека пишет в одной из своих статей российского периода П.А. Сорокин. Обсуждая вопрос о происхождении бихевиористской психологии в Америке, он приводит свидетельство американского психолога о той роли, которую сыграли в формировании этого чисто американского научного направления идеи И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, взятые, по его мнению, за основу бихевиоризма. Американцы, по словам одного из представителей данного течения, использовали это "русское растение", "не скрывая заимствования, окрестили его именем behaviorism-a, поставили дело на широкую ногу и в течение немногих лет достигли немалых успехов" [11].

Американский социолог следующего поколения Александр Вучинич посвятил немало внимания изучению истории общественной мысли в России. В настоящее время

он является одним из наиболее авторитетных специалистов США по изучению русской социологии. Вучинич выделяет в своей работе несколько явлений, наиболее характерных для развития российской социологической мысли между 1861 и 1927 гг.: субъективную социологию, социальную теорию анархизма, марксистскую социологию и философию истории в ее отношении к социологии [12]. Содержание трех глав этой книги составляют персоналии, выбор которых определялся с учетом наиболее ярких тенденций, характерных для социологии России: Б.А. Кистяковский с его социологическим синтезом, М.М. Ковалевский, соединивший в своих трудах сравнительную историю и социологию, и А.А. Богданов, теория которого, как считает Вучинич, есть некое соединение марксизма с позитивизмом. Устанавливая связи социологии с реформой 1861 г., общественными движениями в России того времени и с личностями крупнейших мыслителей, публицистов и общественных деятелей, этот автор делает акцент на настроениях нигилизма, наиболее характерного для молодого поколения страны в 1960-е годы. Начальный этап в развитии русской социологии он связывает с именами Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Серно-Соловьевича, а также историков Карамзина и Соловьева. Особое место в этой части книги отведено произведению И.С. Тургенева "Отцы и дети". Обращает на себя внимание тот факт, что из первых русских социологов Вучиничу известны имена Ножина и Щапова, которые в отечественной литературе по истории социологии, как правило, отсутствуют. С ними, а также с Лавровым и Михайловским он связывает первые шаги научной социологии в России. Несмотря на избирательность, проявленную в освещении материалов по истории русской социальной мысли (в книге отсутствуют натуралистические течения в русском позитивизме, нет целостного анализа и оценки социологии русского неокантианства), книга Вучинича является одной из наиболее серьезных работ, написанных о русской социологии за рубежом. Другая фундаментальная работа этого автора охватывает более широкий круг проблем и посвящена взаимоотношениям науки и культуры в России [13]. Она затрагивает немало относящихся к социологии вопросов; содержание ряда глав отражает развитие социальных наук, университетского образования, отношений между наукой и политикой, наукой и идеологией.

Кроме рассмотренных нами трудов зарубежных социологов имеется ряд изданий общего характера, в которые включены краткие и чаще всего отрывочные сведения по истории социологии в России. Единичные, небольшие по объему работы посвящаются отдельным русским социологам: Ковалевскому (Р. Вормс; М. Лазерсон), Де Роберти (Р. Верье), Я. А. Новикову (Г. Варнс). Особое место среди литературы такого рода занимает исследование Джеймса Биллингтона — известного специалиста по русской истории, ныне директора Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, посвященное Михайловскому [14]. В нем подробно освещается жизненный и творческий путь русского социолога, используя большой объем источников и литературы, выходящей в России и других странах. Заслугу Михайловского как социолога Биллингтон видит, прежде всего, в том, что, приступив к обоснованию необходимости универсальной борьбы за полноту человеческой индивидуальности, этот русский социолог стал одним из первых европейских исследователей, начавших разрабатывать теорию личности. Основанное им направление оценивается в книге как наиболее русское в истории социологии России.

К этому времени относится появление ряда монографических и справочных изданий, в которых значительное место отведено русской социологии. Среди них особо выделяется фундаментальный труд Беккера и Барнса, в котором, в частности, обращено внимание на сходство явлений, отнесенных П.Л. Лавровым к психическому фактору цивилизации, с теми, которые после Лаврова были замечены Л. Уордом, использовавшим для их изучения метод, названный им антропотелеологическим [15, р. 1037]. Факт особого внимания западных исследователей к субъективной школе в русской социологии интересен во многих отношениях. Первым это самобытное явление заметил и по достоинству оценил в начале XX века американец Ю. Геккер. Почти полвека спустя там же, в США, историки социологии отмечают творческий и самобытный характер этой чисто русской научной школы, в русле которой предпринята попытка обоснования субъективной точки зрения в социологии путем разработки субъективного метода [15, р. 1035]. Основательное знакомство с субъективной социологией позволи-

ло заметить различия в концепциях ее крупнейших теоретиков, оценить вклад С.Н. Южакова с его "субъективистской критикой субъективизма" и его настойчивое стремление сделать достоянием научного сообщества тот факт, что русские социологи первыми увидели необходимость исследования психосоциологических и этических аспектов социального поведения [15, р. 1039]. Беккер и Барнс достаточно хорошо знакомы с творчеством Н.И. Кареева, которого считают выразителем главных идей субъективной школы, испытавшим при этом заметное влияние теорий В. Дильтея и Г. Зиммеля. Им известны все три издания лекционного курса Кареева "*Введение в изучение социологии*", его исследования в области теории и методологии, особенно разработка вопроса об отношениях между социологией и другими науками, социологией и философией. Высокую оценку американских социологов получило объяснение Кареевым природы общества как сложного продукта развития биологического, физического и инвайроментального факторов при доминирующей роли психологического фактора [15, р. 1039]. Рассмотрение субъективной школы эти авторы завершают характеристикой взглядов ее представителя последнего поколения - В.М. Чернова [15, р. 1041].

Ко второй половине XX столетия интерес к русской социологии на Западе перемещается в значительной своей части в область развития этой науки в советское время. В этот период оригинальные исследования западных ученых посвящаются ряду тем, которые в нашей стране пока практически не были исследованы и осваиваются очень медленно. Это объясняется тем, что в СССР социология долгое время легально (и номинально) не могла развиваться, если не считать работ прикладного характера (при подготовке различных планов развития народного хозяйства, при изучении трудовых отношений на предприятиях и т.д.). Особенно это касается отношений науки и политики, личностей Ленина, Сталина, Троцкого, Бухарина, анализа социологических исследований в сталинскую и послесталинскую эпохи, природы русского либерализма. Многие работы зарубежных авторов последних десятилетий XX века (в том числе и российских эмигрантов поздней волны, таких, как В. Шляпентох) отличаются высокой степенью политизированности, что делает их предметом отдельного рассмотрения. Для публикаций этого периода характерно появление нескольких библиографий, в которых собрана литература по социологии, изданная в СССР и России (М. Мэттьюз, Е. Вейнберг и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кареев И.И.* Американская книга о русской социологии // Русские Записки. 1916. № 4.
2. *Ковалевский М.М.* Две жизни // Вестник Европы. 1909. № 7.
3. *Sorokin P.* Russian Sociology in the Twentieth Century // American Journal of Sociology. V.31. 1927. P. 57-69. Русский перевод: Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Рубеж (Сыктывкар). 1992. № 4.
4. *Sorokin P.A.* Contemporary Sociological Theories. N.Y., 1928.
5. *Sorokin P.A.* Sociological Theories of Today. N.Y.-London, 1966.
6. *Timasheff N.S.* Sociological Theory, its Nature and Growth. N.Y., 1955.
7. *Nowikow N.* Die Soziologie in Russland. Ihre institutionelle Entwicklung von Anfängen bis zur Oktoberrevolution 1917. Wiesbaden, 1988.
8. *Hecker J.F.* Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. With a Foreword of Sidney Webb. N.Y., 1915.
9. *Кареев И.И.* Американская книга о русской социологии // Русские Записки. 1916. № 4.
10. *Келлес-Крауз К.* Социология к началу XX века. Пер. с нем. СПб., 1905.
11. *Сорокин П.А.* Состояние психологии в Америке за последние годы // Вопросы изучения и воспитания личности. 1922. № 4-5. С. 595.
12. *Vucinic A.* Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861-1917. Chicago, 1976.
13. *Vucinic A.* Science in Russian Culture. 1861-1917. Stanford, 1970.
14. *Billington J.* Mikhailovski and Russian Populism. Oxford, 1958.
15. *Becker H., Barns H.* Social Thought from Lore to Science. Wash., 1952.